

Теперь-то, оглядываясь назад, он понимал, насколько дальновидным был тогда, ведь давным-давно предвидел, что Чэн Цзиньнянь безжалостно бросит его.

В конце концов, за эти три года он никогда не чувствовал себя в безопасности рядом с Чэн Цзиньнянем.

Он всегда жил в постоянном страхе, опасаясь, что любое неосторожное движение вызовет недовольство Чэн Цзиньняня и тот без малейших колебаний выбросит его из своей жизни.

Хотя он изо всех сил старался наладить с Чэн Цзиньнянем хорошие отношения, он забывал о главном: преграда между ними вовсе не в этом, всё дело было лишь в Гу Цинчэне.

Потому что в любое время, стоило появиться Гу Цинчэню, Чэн Цзиньнянь неизменно выбирал его, и как бы сильно сам он ни старался, всё было бессмысленно.

Перед лицом любви его звали Гу Цинфэн, а не Гу Цинчэн — в этом и заключался его первородный грех.

Как бы бережно он ни выворачивал душу наизнанку, поднося своё сердце Чэн Цзиньняню, тот не чувствовал ни малейшей благодарности, находя это лишь омерзительным.

Понравилось бы ему, если бы он умер?

Когда машина подъехала к Цзиньцзян Хуаюаню, Чэн Но остановил её и, заметив на лице спутника скорбное выражение, не удержался от вопроса: — Приехали, ты в порядке?

Гу Цинфэн покачал головой: — Всё хорошо, спасибо тебе за сегодня.

С этими словами он повернулся, открыл дверь и вышел под дождь.

Чэн Но приоткрыл рот, собираясь предложить ему зонт из машины, но Гу Цинфэн уже шагнул под дождём к жилому комплексу.

После покупки этой квартиры Гу Цинфэн бывал здесь так редко, что визиты можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Стоя перед входной дверью и глядя на кодовый замок, он вдруг закрыл лицо руками и, опустившись на корточки, горько заплакал.

Когда он только устанавливал пароль для квартиры, он без колебаний выбрал дату их с Чэн Цзиньнянем годовщины свадьбы.

Он никак не ожидал, что, вернувшись сюда снова, окажется ненужным Чэн Цзиньняню.

Сама эта годовщина звучала донельзя комично.

Свадьбы у них не было — этот день был датой, когда они с Чэн Цзиньнянем зарегистрировали брак.

День выдался пасмурным, небо затягло серой дымкой, накрапывал мелкий дождь.

Он помнил, что в традиционном календаре этот день считался неблагоприятным для заключения брака, но когда Чэн Цзиньнянь предложил пойти в загс именно тогда, Гу Цинфэн согласился без малейших колебаний.

Для Гу Цинфэна хорошие или плохие дни уже не имели никакого значения: само согласие Чэн Цзиньняня жениться на нём казалось величайшей милостью небес.

Они договорились встретиться у загса рано утром, но в назначенный час пришёл только он один.

Уходя из дома, он тщательно принарядился: надел костюм и завязал неказистый галстук, надеясь показать Чэн Цзиньняню, как серьёзно он к этому относится.

Но он просидел на скамейке в загсе в одиночестве с самого утра и до вечера, и лишь когда учреждение уже собиралось закрываться, Чэн Цзиньнянь наконец соизволил явиться.

Гу Цинфэн радостно бросился к нему: — Ты... пришёл.

Чэн Цзиньнянь посмотрел на него мрачным взглядом: — Перестань пялиться на меня с таким восторженным выражением. Ты вообще понимаешь, до чего тошнотворно выглядишь?

Улыбка мгновенно застыла на лице Гу Цинфэна, и он, опустив голову, прошептал: — Я понял.

Чэн Цзиньнянь искренне не хотел на нём жениться, поэтому они пропустили все формальности вроде произнесения клятв в загсе.

Чэн Цзиньнянь просто нанял нужных людей, их быстренько сфотографировали, заставили расписаться, поставили штампы в свидетельства о браке — и на этом всё закончилось.

Чэн Цзиньняню было настолько противно даже прикасаться к этим красным книжкам, что он отдал Гу Цинфэну сразу оба экземпляра.

Тогда Гу Цинфэн прижимал к груди два маленьких красных удостоверения и улыбался так широко, что глаза превращались в полумесяцы — он был по-настоящему, безумно счастлив, ведь наконец-то женился на Чэн Цзиньняне.

Он сказал: — Цзиньнянь-гэ, я... я обязательно буду стараться изо всех сил, чтобы стать тем, кто тебе понравится.

Но Чэн Цзиньнянь лишь презрительно усмехнулся в ответ: — И не мечтай. Понравиться мне? Только если ты сдохнешь.

Посидев на полу и выплакавшись, Гу Цинфэн постепенно вернулся к реальности. Ему вдруг ужасно захотелось спросить у Чэн Цзиньняня: неужели, если он действительно умрёт, тот наконец полюбит его?

Жаль только, что у него больше не будет шанса задать этот вопрос.

Надо полагать, в будущем ему уже не представится возможности увидеться с Чэн Цзиньнянем. Тот ведь так с трудом отделался от него — с какой стати он позволит ему снова висеть у себя на шее?

К тому же возвращался Гу Цинчэн.

Чэн Цзиньнянь наверняка изо всех сил бросится выслуживаться перед Гу Цинчэнем, откуда у него найдётся время возиться с ним.

Стоило только представить, как Гу Цинчэн снова будет всхлипывать и капризничать в объятиях Чэн Цзиньняня, как у Гу Цинфэна к горлу подступала тошнота.

Иногда он просто не мог понять: почему в те годы именно он повстречал Чэн Цзиньняня первым, и в их самую первую встречу Чэн Цзиньнянь вёл себя с ним так дружелюбно?

Как же в конце концов всё скатилось до такого состояния?

Вернувшись домой, Гу Цинфэн первым делом отправился в ванную и встал под душ.

Омываемый водой, он замер перед зеркалом в полный рост и, разглядывая собственное измождённое, слишком исхудавшее отражение, горько усмехнулся и пробормотал себе под нос: — Гу Цинфэн, посмотри на себя, это же та самая жизнь, к которой ты так стремился. Ты всё-таки превратился в то, что ненавидел больше всего.

Вспомнив, что всего несколько часов назад Чэн Цзиньнянь был рядом, а на щеке до сих пор отчётливо виднелся след от пощёчины, он осознал: Чэн Цзиньнянь уже вычеркнул его из своей

жизни.

— Гу Цинфэн, возьми себя в руки, ничего страшного не произошло. Трёхлапых жаб днём с огнём не сыщешь, а двухногих мужчин кругом полно, Чэн Цзиньнянь этого не стоит.

Убеждая себя в том, что тот не стоит его слёз, Гу Цинфэн всё же чувствовал, как невыносимо, неудержимо ныло сердце.

Выбравшись из ванной, он даже не стал сушить волосы и рухнул лицом на большую кровать в спальне.

Ему не хотелось думать ни о чём — сейчас существовало лишь одно желание: уснуть, чтобы забытие побыстрее притупило боль.

Гу Цинфэн не выходил из дома больше недели, всё это время только и делая, что спал, и едва ли съел за эти дни хоть пару крошек.

Покинув тот дом, он не взял с собой абсолютно ничего: удостоверение личности, банковские карты и телефон — всё осталось у Чэн Цзиньняня. Так что дело было вовсе не в нежелании поесть, а в том, что есть было просто нечего.

К счастью, в квартире завалилось несколько пачек просроченной лапши быстрого приготовления, и Гу Цинфэн кое-как перебивался ею последние дни.

Ранним утром следующего дня, когда он ещё не успел подняться с постели, раздался звонок в дверь.

Взъерошив волосы так, что они встали дыбом, словно птичье гнездо, Гу Цинфэн приподнялся на кровати. Посидев какое-то время в тишине и убедившись, что звонят именно в его дверь, он неохотно вылез из-под одеяла.

С недоумённым выражением лица он доплетелся до прихожей и, бросив взгляд в глазок, нахмурился. Затем он распахнул дверь и холодно бросил: — Зачем ты пришёл?

На пороге стоял личный помощник Чэн Цзиньняня — Бянь Си. Увидев Гу Цинфэна в таком виде, он от неожиданности даже отшатнулся.

Мертвенно-бледное лицо, растрёпанные волосы, абсолютно бескровные губы и тёмные круги под глазами — мужчина выглядел невероятно измождённым.

Видя, что тот молчит, Гу Цинфэн раздражённо бросил: — В чём дело? Чэн Цзиньнянь прислал тебя сюда просто столбом стоять?

Опомнившись, Бянь Си отвёл взгляд и, подтянув стоявший за спиной чемодан, поставил его перед ним: — Это вещи, которые вы оставили в квартире. Мистер Чэн велел передать их вам.

Гу Цинфэн криво усмехнулся и презрительно бросил: — Тогда вернись и передай ему моё спасибо.

С этими словами он перехватил ручку чемодана и, неожиданно для самого себя проявив характер, резко захлопнул дверь прямо перед носом гостя со звуком хлопнувшей пощечины.

Не успел Гу Цинфэн прислониться спиной к двери и прийти в себя, как в неё постучали снова.

Снова распахнув дверь, Гу Цинфэн не выдержал и рявкнул на Бянь Си: — Нельзя выложить всё за один раз?!

Бянь Си мысленно смутился: ну так дай же мне возможность всё сказать.

Правда, он никак не ожидал, что этот человек способен так вспылить. Если сравнить нынешнего растрепавшего перья Гу Цинфэна с тем кротким домашним котёнком, что все эти годы вился возле Чэн Цзиньняня, контраст казался слишком разительным.

Пожалуй, Бянь Си лучше всех наблюдал за их отношениями на протяжении этих лет, и в душе он даже немного сочувствовал Гу Цинфэну, из-за чего ему было тяжело сообщать то, что следовало дальше.

Но Гу Цинфэн уже потерял всякое терпение: — В чём в конце концов дело?

Бянь Си порылся в своём портфеле, извлёк наружу нечто вроде пригласительного билета и протянул со словами: — Это... это приглашение на помолвку босса с... с молодым господином Гу.

Даже без дополнительных пояснений Гу Цинфэн прекрасно понимал, кого называют этим молодым господином Гу — конечно же, Гу Цинчэня.

Глядя на приглашение, он скривил губы в холодной усмешке: — С каких это пор Чэн Цзиньнянь стал относиться ко мне с таким доверием? На церемонию помолвки меня даже приглашают лично! Не боится, что я всё испорчу?

Поразмыслив немного, Бянь Си всё же решил сказать правду: — Вообще-то... это приглашение велел передать вам молодой господин Гу.

— Гу Цинчэн?

Бянь Си кивнул и, помедлив, добавил ещё одну реплику: — Генеральный директор Чэн, на самом деле... ещё ничего об этом не знает...

Гу Цинфэн мгновенно всё понял.

По всей видимости, Гу Цинчэн решил за его спиной вызвать его, чтобы похвастаться своей победой — тем, что наконец добился свадьбы с Чэн Цзиньнянем — и заодно позлорадствовать над тем, как подло Чэн Цзиньнянь вышвырнул его вон.

Все эти годы Гу Цинфэн и представить себе не мог, что Гу Цинчэн останется таким же по-детски наивным и смешным.

Однако ещё больше его удивило то, что Бянь Си решился рассказать ему о столь деликатной детали. Взяв приглашение, Гу Цинфэн коротко бросил: — Спасибо... за это.

Бянь Си смущённо потёр нос: — Не за что. Тогда не буду вас задерживать, я пойду, до свидания.

Проводив помощника взглядом, Гу Цинфэн вернулся в квартиру, запер дверь и, прислонившись к ней спиной, достал приглашенный билет.

Стоило ему открыть его, как в глаза сразу же бросились вытисненные золотом крупные иероглифы: сердечно приглашаем вас на церемонию помолвки Чэн Цзиньняня и Гу Цинчэня. Гу Цинфэн смотрел на это и смеялся, а пока смеялся, из глаз его невольно текли слёзы.

Похоже, Чэн Цзиньнянь и впрямь дорожил Гу Цинчэном, раз не позволял ему пережить ни малейшей обиды. Вспомнить те времена, когда они поженились: они ведь просто сходили за свидетельством, и никаких формальностей не было и в помине.

Даже мало кто знал, что Чэн Цзиньнянь уже женился на нем, Гу Цинфэне.

А теперь, стоило Гу Цинчэну вернуться, как Чэн Цзиньнянь решил устроить пышную помолвку.

Людей действительно нельзя ставить на один уровень. Этот Гу Цинчэн для Чэн Цзиньняня — желанный лакомый кусочек, в то время как он, Гу Цинфэн, — пустое место.

Думая об этом, Гу Цинфэн вдруг почувствовал тошноту, подступившую к самому горлу. Зажав рот рукой, он бросился в ванную и долго склонялся над унитазом, пытаясь вырвать, но поскольку он уже несколько дней почти ничего не ел, извергнуть из себя было нечего.

Убедившись, что ему стало полегче, он поднялся, принял душ и только после этого вышел.

Оказавшись в комнате, он заметил чемодан, оставленный у двери, подошел, опустился на пол гостиной и, расстегнув молнию, заглянул внутрь.

Хотя он прожил в том доме несколько лет, вещей у него набралось совсем немного.

Одного чемодана хватило, чтобы перевезти всё его имущество: ноутбук, телефон, удостоверение личности, кошелек и прочие важные мелочи были аккуратно сложены внутри.

Сначала Гу Цинфэн взял телефон и проверил его — никаких важных сообщений. Впрочем, даже если бы он в один прекрасный день исчез с лица земли, вряд ли нашлась бы хоть одна душа, которая стала бы его разыскивать.

При этой мысли Гу Цинфэна снова затошнило.

Он поднял руку и помассировал живот, пытаясь побыстрее унять неприятное ощущение в желудке. То ли из-за того, что в последние дни приходилось питаться просроченной лапшой быстрого приготовления, то ли по какой другой причине, но в животе постоянно бурлило, а к горлу то и дело подкатывала тошнота.

Среди этих безрадостных мыслей телефон Гу Цинфэна внезапно зазвонил, так испугав его, что он чуть не выронил аппарат из рук.

На экране высветился незнакомый номер. Поколебавшись секунду-другую, Гу Цинфэн неуверенно нажал на ответ и сразу же услышал на том конце провода одновременно знакомый и чужой голос:

— Братец, это я, Цинчэн.

Тон Гу Цинчэна был всё таким же приторно-сладким, словно между ними царили самые нежные отношения, но Гу Цинфэна от этих звуков лишь замутило.

— Что-то нужно?

— Братец, я ведь вернулся на родину, неужели ты не придешь повидаться со мной?

Холодно бросил Гу Цинфэн:

— Некогда.

— Ну ладно, не буду настаивать.

Тон Гу Цинчэна звучал так искренне разочарованно, что, не давая Гу Цинфэну вставить ни слова, он продолжил:

— Ты ведь должен был получить пригласительный. Обязательно приходи на церемонию моей помолвки с братом Цзиньнянем, я так хочу разделить с тобой этот праздник. В тот день родители тоже прилетят из-за границы, и наша семья наконец-то воссоединится.

Слушая его, Гу Цинфэн находил происходящее верхом абсурда.

— Гу Цинчэн, хватит ломать комедию. Прожив столько времени за границей, ты ни капли не изменился.

С этими словами Гу Цинфэн оборвал вызов. У него просто не было сил выслушивать этот бред.

Посидев какое-то время с телефоном в руке, он только собрался заняться вещами, как аппарат зазвонил снова.

Гу Цинфэн сперва подумал, что это опять Гу Цинчэн, но, взглянув на экран, увидел имя Чэн Цзиньняня. Криво усмехнувшись, он принял вызов, и не успел он произнести ни звука, как из трубки донесся разъяренный голос Чэн Цзиньняня:

— Гу Цинфэн, ты совсем жить надоело?

Гу Цинфэн на мгновение растерялся, а затем произнес:

— Чэн Цзиньнянь, если болен — иди лечись, нечего звонить мне и срывать крышу, я тебя не вылечу.

— Ты только что звонил Цинчэну?

Услышав это, Гу Цинфэн мгновенно во всем разобрался. Ему было лень оправдываться, и он просто подтвердил:

— Допустим. И что с того?

— Жди меня!

После этих слов Чэн Цзиньнянь бросил трубку.

Гу Цинфэн не принял угрозу всерьез, решив считать эти звонки нападением бешеной собаки.

Однако он никак не ожидал, что эта бешеная собака по имени Чэн Цзиньнянь явится к нему домой из-за такой сущие мелочи.

Увидев его на пороге, Гу Цинфэн испытал странный приступ страха; он стоял за закрытой дверью, не смея не то что заговорить, но даже шевельнуться.

Но Чэн Цзиньнянь твердо вознамерился с ним увидаться и продолжал яростно барабанить в дверь.

Опасаясь жалоб от соседей, Гу Цинфэн в конце концов был вынужден отпереть и впустить его внутрь.

Стоило ему переступить порог, как Чэн Цзиньнянь с размаху врезал ему кулаком по левой щеке.

— Я предупреждал тебя не приближаться к Цинчэну?! Ты что, оглох, твою мать?!

Гу Цинфэн и без того был хрупкого телосложения, а от этого удара едва удержался на ногах.

Не давая ему опомниться, Чэн Цзиньнянь схватил его за воротник и вжал в стену.

— Хватит строить из себя жертву, мать твою! Когда ты названивал и качал права, пытаешься задеть Цинчэна, что-то ты не выглядел таким слабым и несчастным!

Прикусив губу до крови, Гу Цинфэн прошептал:

— Я не делал этого... Я ему не звонил, это он позвонил мне!

Глаза Чэн Цзиньняня застила слепая ярость.

— Думаешь, я в это поверю?

Услышав это, Гу Цинфэн вдруг рассмеялся. Действительно, к чему оправдываться? Что бы он ни сказал, Чэн Цзиньнянь всё равно ему не поверит.

Из разбитого уголка рта Гу Цинфэна тонкой струйкой сочилась кровь, и эта улыбка, обращенная к Чэн Цзиньняню, казалась жутковатой. Нахмурившись от смутного раздражения, Чэн Цзиньнянь рявкнул:

— Чего ты скалишься?

Гу Цинфэн неожиданно протянул руку и коснулся невероятно красивого лица Чэн Цзиньняня. В его глазах мелькнула глубокая боль, а голос прозвучал удивительно мягко:

— Чэн Цзиньнянь, если ты мне не веришь, зачем вообще пришел спрашивать? Гу Цинчэн прав: это я ему позвонил, это я его обидел. Я хочу, чтобы его ноги никогда не зажили, и лучше бы он поскорее подох, чтобы больше никому не портить жизнь.

Если бы Чэн Цзиньнянь не расслышал каждое слово отчетливо, он бы решил, что Гу Цинфэн произносит эти нежные слова с каким-то романтическим подтекстом.

Увидев, что тот молчит, Гу Цинфэн продолжил:

— Что же ты замолчал? Задел за живое? Разве ты не спрашивал, как именно я его обидел? Разве ты не пришел преподать мне урок? Одного удара явно мало, может, добавишь еще? Или просто убьешь меня здесь и сейчас?

Чэн Цзиньнянь в упор смотрел на его лицо, и во взгляде его стыла ледяная пустота:

— Гу Цинфэн, ты думаешь, я не посмею?

Уголки губ Гу Цинфэна изогнулись в усмешке:

— С чего бы? Чего тебе бояться?

— Не испытывай мое терпение!

— Я испытываю твое? Кто кого испытывает?! Этот твой Гу Цинчэн увел тебя у меня, так неужели я не имела права даже пальцем его тронуть? Во всем сраном мире жертва — только этот Гу Цинчэн, а я для тебя кто вообще?!

Чэн Цзиньнянь протянул руку и слегка похлопал его по щеке.

— Гу Цинфэн, неужели трудно хоть каплю трезво смотреть на себя? В моих глазах ты — пустое место. Если бы ты не был мне еще нужен, думаешь, меня бы волновало, жив ты или мертв?

Гу Цинфэн не сразу понял смысл его слов и растерянно переспросил:

— Что ты имеешь в виду?

Чэн Цзиньнянь холодно усмехнулся:

— Ничего особенного. К счастью, с Цинчэном всё в порядке, иначе я бы показал тебе кузькину мать!

Когда Чэн Цзиньнянь ушел, Гу Цинфэн рухнул на пол, чувствуя себя совершенно обессиленным. Тошнота в желудке усилилась; прижав руки к животу, он какое-то время безуспешно давился спазмами, так ничего и не извергнув.

Телефон продолжал надрываться звонками. Лишь спустя долгое время Гу Цинфэн с трудом поднялся с пола и ответил на вызов.

Стоило соединению установиться, как оттуда донесся звонкий смех Гу Цинчэна:

— Братец, ну как? Брат Цзиньнянь уже навестил тебя?

Услышав этот голос, Гу Цинфэн почувствовал, как от ярости закипает вся кровь в жилах:

— Что ты ему сказал?! Что ты ему наплел, твою мать?!

— Да ничего особенного. Просто сказал, что братец, похоже, не рад нашей с ним свадьбе. Кто же знал, что он сразу сорвется к тебе? Братец, сдайся! Прошло уже три года, ты пробыл рядом с ним три года, но он по-прежнему не любит тебя. Зачем мучиться?

— Гу Цинчэн, ты просто псих! Конченный псих!

Голос Гу Цинчэна вдруг стал жестким и зловещим:

— И что с того? Кроме тебя, кто мне поверит? Для всех остальных сумасшедший здесь только ты.

— Гу Цинчэн, Чэн Цзиньнянь теперь твой! Делайте что хотите, мне уже всё равно. Ради того, что мы братья, молю тебя, оставь меня в покое! Считаю, что я умоляю тебя, хорошо?

— Оставить в покое? — Гу Цинчэн тихонько рассмеялся. — Братец, ты ведь задолжал мне две ноги, неужели ты думаешь, что я тебя просто так отпущу?

— Что случилось с твоими ногами, ты знаешь лучше всех!

— И что с того? Считаю, что я просто не могу видеть твое счастливое лицо. Пока ты жив, я буду мучить тебя каждый день. Ты же всегда знал: мне больше всего нравится смотреть, как люди чувствуют себя хуже мертвых. Помнишь ту собаку, которую ты держал?

— Хватит! Замолчи!

— А ты помнишь ее вкус? Какая она была на вкус?

<http://bllate.org/book/20420/2039746>